

Тимошук А.В.

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА УКРАИНСКОЙ ДЕРЖАВЫ В РУСЛЕ НЕМЕЦКО-РОССИЙСКИХ МАНЕВРОВ ГЕТМАНА П. СКОРОПАДСКОГО (апрель-декабрь 1918 г.)

Продекларированный в украинской Конституции 1996 г. курс страны на строительство “правового государства”, формирование “гражданского общества” одобрительно воспринимается большинством ее политических сил. Но конкретные пути достижения украинским социумом провозглашенных конституционных вех пока продолжают оставаться дискуссионными. Такая ситуация не может способствовать успешному развитию государственности.

История свидетельствует, что демократически-парламентские методы осуществления коренных реформ не всегда были эффективными. На протяжении столетий в периоды социальной напряженности республиканская форма правления использовала одно и то же “лекарство” – концентрацию властных полномочий в руках ограниченного количества должностных лиц. При всей условности сравнений вспомним эллинский институт автократора или римский – диктатора, английский протекторат лорда Оливера Кромвеля, американский новый курс президента Франклина Рузвельта. На пороге третьего тысячелетия продолжаются дискуссии о целесообразности использования в кризисных ситуациях авторитарных методов правления. Среди политологов встречаются как положительные, так и отрицательные суждения о правлении Пиночета в Чили, Ро Де У в Южной Корее, Сукхарто в Индонезии.

Подобный пример в лице генерала П. Скоропадского в 1918 г. дала украинская история. Уже тогда им был провозглашен курс на строительство “правового государства”. Но форма Украинской Державы (гетманат как правление, федерация с небольшевицкой Россией как устройство, авторитаризм как режим) оказалась в конечном счете нежизнеспособной. Ее охранительная система не обеспечила в экстремальной ситуации незыблемость властных полномочий гетманского государственного механизма. Анализируя причины его краха, часть современных исследователей говорит о непатриотичности правителя Украинской Державы. Например, профессор А. Мироненко определяет гетманское государство как “украинскую разновидность мариократии” и подчеркивает, что “когда Украина была под Россией, Скоропадский становился русским, когда под немцами – немцем, если бы была под Турцией – то считал бы себя турком, а под Китаем – китайцем”¹.

Действительно, немецко-российское присутствие в Украине дважды (1 марта и 29 апреля 1918 г.) становилось решающим условием смены Киевской власти. Этот факт невозможно оспаривать. И после Второй мировой войны советская историография с легкостью использовала общие характеристики политического режима фашистской Германии для распространения их на германское присутствие предыдущей эпохи. Это сформировало у советского человека стойкий психологический стереотип на уровне не только познавательных, но и научных представлений о военном присутствии Центральных держав в Украине 1918 г., что эхом отразилось на характеристике тех украинских правительств, которые поддерживались тогда союзниками из Германии и Австро-Венгрии. Сегодня есть возможность взглянуть на украинско-немецко-австрийские отношения того времени под иным углом зрения.

В данном контексте немецко-российские “шараханья” главы Украинской Державы представляют интерес прежде всего с точки зрения их соответствия реальным условиям самостоятельного государственного строительства в Украине того времени. В этом плане, на наш взгляд, отказ генерала П. Скоропадского от предложенной ему немцами власти, даже с учетом их ультимативных требований, был бы не только политическим безрассудством, но и национальным предательством.

Основные требования союзников к запланированному ими новому украинскому правительству окончательно определились на встрече будущего гетмана с начальником штаба немецких войск на Украине генералом Гренером 24 апреля 1918 г. Гетман отказывался от собственной армии, кроме полицейских частей, пока союзные войска будут на ее территории; позволял союзникам “оградить украинскую юстицию от террора всяких политических организаций” (то есть отдавал украинских граждан под юрисдикцию австро-немецких военно-полевых судов не только за преступления против их войск, но и за преступления, угрожающие государственной безопасности Украины); соглашался с увольнением из государственных учреждений “социалистических” элементов и роспуском земельных комитетов, с отменой запрета на свободную торговлю и вывоз продуктов питания, с восстановлением права частной собственности и уплаты крестьянами стоимости полученной земли². Безусловно, что выполнение Украиной этих требований прежде всего было выгодно Центральным государствам, однако в своем большинстве это не ставило значительных преград для развития собственного народного хозяйства и давало украинскому правительству реальные властные рычаги для обуздания анархии и социальных разногласий, для государственного продвижения по пути, который прошли к тому времени уже многие европейские страны.

Показательно, что требования союзников к украинскому правительству почти полностью совпадали с представлениями о социально-экономическом строе государства представителей местных торгово-промышленных кругов, о чем 27 апреля 1918 г. посол в Украине фон Принциг доложил министру иностранных дел Австро-Венгрии графу Буриану. Накануне промышленники передали главе правительства Украинской Народной Республики В. Голубовичу декларацию, в которой было указано, что “вся культурная жизнь может развиваться только в правовом государстве”, поэтому “все правительственные органы должны быть свободными от политики и классово-борьбы”. В декларации шла речь о необходимости правового обеспечения частной собственности, запрете произвольной национализации частных предприятий, ограничении рабочего контроля лишь вопросами профессиональной защиты, о разрешении приватной продажи земли, решении налоговых вопросов при участии налогоплательщиков³.

Первые законодательные акты гетмана прозвучали полностью в русле требований австро-немецких союзников как заказчиков новой власти. В грамоте от 29 апреля 1918 г. оглашалось: “Права частной собственности как фундамента культуры и цивилизации восстанавливаются полностью, а все распоряжения бывшего украинского правительства, равно как и Временного правительства, полностью отменяются и упраздняются”⁴. 16 мая 1918 г. “Державний вістник”, официальный орган гетманской власти, опубликовал “Закон о временном государственном

устройстве Украины”, где в основном была скопирована российская имперская модель функционирования государственного механизма с учетом территориальной уменьшенности его компетенции. Законодательство царской России в целом составило и фундамент охранительной политики гетмана. Таким образом он сразу заполнил нормативные пробелы, которые образовались в этой сфере в результате деятельности в Украине предшествующих правительств. Вместе с тем непосредственное участие П. Скоропадского в борьбе за общественный порядок в Украине в 1917 г. (он был командиром 1-го украинского армейского корпуса, гетманом украинского “вольного казачества”) давало ему возможность использовать положительный опыт и учесть ошибки. Поэтому гетманская охранительная концепция имела несколько магистральных направлений.

Во-первых, главное внимание в ней уделялось восстановлению основных военных и военизированных институтов бывшей Российской империи. Во-вторых, создавались специальные вооруженные подразделения с особыми функциями и режимом подчинения. В-третьих, отбросив в целом военную доктрину Центральной Рады о милиционной системе организации вооруженных сил, П. Скоропадский определенные расчеты в деле обеспечения неизблемости своей власти связывал с украинским казачеством и другими добровольческими формированиями. Соблюдение требований законности в ходе деятельности всех охранительных структур государства и исполнение наказаний согласно существующим законам должны были обеспечить органы прокуратуры, суда, исполнения наказаний, организация которых в Украине после февраля 1917 г. существенных изменений не претерпела. Строительство государственной охранительной системы предусматривалось осуществить во взаимодействии с немецко-австрийскими союзниками и с учетом возможности непосредственного привлечения к борьбе с антиправительственными выступлениями их военного контингента.

Однако охранительная деятельность войск Центральных держав в Украине не имела четкого нормативно-правового определения. В статьях Брестского мирного договора (февраль 1918 г.) речь шла только об условиях общего военного присутствия Центральных держав в Украине. А в дополнительных соглашениях к договору лишь отмечалось, что стороны предоставляют пленным и всем гражданским лицам полное освобождение от наказания за преступления, совершенные до дня его ратификации. Задержанию в местах заключения подлежали только те лица, которые находились под следствием “за военное или государственное преступление, умышленное убийство, грабеж, разбой, умышленный поджог и поступки против публичной морали”⁵. Больше никаких международных договоров об охранительных полномочиях и судебной компетенции австро-немецких союзников ни Центральной Радой, ни гетманом с ними не заключалось. Единственной “правовой” базой для этого стали обещания генерала Скоропадского генералу Гренеру 24 апреля 1918 г., накануне государственного переворота. 22 мая главнокомандующий немецкими войсками в Украине фельдмаршал Эйгхорн издал приказ № 386, которым официально подтвердил распоряжение союзного командования от 25 и 28 апреля о подсудности украинских граждан немецким и австро-венгерским военно-полевым судам за противоправные поступки против войск Центральных держав. Одновременно появился приказ главнокомандующего австро-венгерской Восточной армией № 3964⁶.

В дальнейшем гетманское правительство пыталось урегулировать вопрос о разграничении украинской и союзной подсудности. В июне 1918 г. для этого была создана специальная юридическая комиссия. Но немецкое и австро-венгерское командование отклонило наименьшие попытки ограничения своей юрисдикции. 30 июля председателю украинской юридической комиссии товарищу министра юстиции сенатору С. Завадскому было отправлено сообщение от союзников о том, что их военно-полевым судам подсудны уголовные деяния гражданского населения, определенные в их приказах № 386 и № 3964, “которые даже косвенно нарушают интересы Союзных Государств. К ним также относятся возбуждение и агитация против украинского правительства и осуществленные толпой убийство, разбой, разгром и другие общие деликты”. Единственное, чего достигла комиссия, это было согласие союзников на информирование местных прокуроров по делам украинских граждан, привлеченных к уголовной ответственности военно-полевыми судами, и разрешение на незамедлительные предварительные действия украинских следователей по обеспечению доказательств для немецко-австрийских судов⁷.

Отведение главной роли немецко-австрийскому военному контингенту в охранительной системе Украинской Державы гетман не считал окончательным. С первых дней своих властных полномочий он развернул кипучую деятельность по созданию собственного охранительного аппарата. Большие надежды П. Скоропадский связывал с полицейскими органами. 18 мая 1918 г. он утвердил временное постановление “Об изменении существующих законов о милиции и создании Государственной Стражи”. В основу формирования центральных и местных органов был положен российский принцип разделения и взаимодействия общих и политических полицейских подразделений. Деятельность департамента Государственной Стражи в составе МВД определялась “Сводом Учреждений государственных”. Общие подразделения стражи создавались в соответствии со “Сводом Губернских Учреждений” в губерниях и градоначальствах: Киевском, Одесском, Николаевском. Они подчинялись, как и резервные сторожевые дивизионы и сотни, местной администрации: губернским уездным старостам и городским атаманам. Функции политической полиции выполняли территориальные осведомительные отделы, которые пребывали в двойном подчинении губернских старост или городских атаманов и осведомительного отдела департамента Государственной Стражи. Согласно “Своду учреждений и уставов Путей Сообщения” были сформированы подразделения железнодорожной стражи департаментского подчинения. 1 августа 1918 г. гетман утвердил постановление Совета Министров “О создании Управления Киевского столичного атамана”. Этот акт определил особое подчинение столичной стражи. 9 августа был принят закон “Об уставе Государственной Стражи”, в котором указывалось, что ее уголовно-розыскные отделы подчиняются “Министерству внутренних дел временно до передачи этих отделов к ведомству Министерства юстиции”. 13 августа был утвержден отдельный устав “Об организации Департамента Государственной Стражи”, 30 августа появился временный “Устав о пограничных пунктах Государственной Стражи”⁸.

В гетманской Украине были созданы и другие охранительные органы министерского подчинения. Летом 1918 г. П. Скоропадскому наконец удалось получить от союзников разрешение на создание собственной армии. По закону от 24 июня 1918 г. “О всеобщей воинской обязанности” украинская армия предназначалась для защиты страны от внешних посяганий. Но не исключалась и возможность ее использования внутри государства. В каждой губернии размещался армейский корпус кадра. Командирам корпусов было подчинено 108 территориальных комендатур. В распоряжении комендантов находились охранные сотни, которые при необходимости должны были воспрепятствовать антиправительственным выступлениям⁹.

Для обеспечения экономической безопасности Украинской Державы в подчинении ее министра финансов находились подразделения Отдельного корпуса пограничной охраны, учреждения таможенной службы и подразделения финансовой охраны. Они восстанавливались на основе нормативных актов, действовавших в Российской империи (“Правил об отдельном корпусе пограничной стражи”, “Устава таможенного”, “Устава об акцизных сборах”. К законодательному утверждению готовились новые Пограничный и Таможенный уставы, но стать действующими при гетмане они не успели.

К ведению гетманского Министерства земельных дел по образцу его российской компетенции перешла лесная стража. Ее организация и система подчинения остались неизменными со времен империи. Уничтожив земельные комитеты, гетман полностью повернул дело охраны лесов в нормативное поле “Устава лесного” (1905 г.). Лесной департамент готовил новые законопроекты, которые должны были обеспечить проведение лесной реформы в Украинской Державе, но законной силы они не набрали.

Среди охранительных органов министерского подчинения были и такие, которые вовсе не определялись на законодательном уровне. В подчинении министра путей сообщения Б. Бутенко находился Отдельный корпус железнодорожных войск под командованием генерал-майора А. Осецкого. Так называемый “полк железнодорожников” сформировался при Центральной Раде из состава безработных служащих и железнодорожной милиции для охраны станционных сооружений, сопровождения грузов и финансовых курьеров. После гетманского переворота немцы разоружили полк, но П. Скоропадскому удалось убедить генерала Гренера в том, что военные железнодорожники будут защищать дороги от большевистских подпольщиков. Их организация и деятельность временно регламентировались ведомственными актами министра путей сообщения. А с 27 ноября 1918 г. железнодорожная охрана была переподчинена департаменту Государственной Стражи МВД.

Реформированию пенитенциарной системы были предназначены законы от 15 июля и 25 ноября 1918 г. Они упорядочили штатное расписание центральных тюремных учреждений при Министерстве юстиции – Главного управления местами заключения и Главной инспекции пересылки осужденных, а также территориальных тюремных инспекций и заведений всех категорий. При этом новый Тюремный устав оставил частично действующим российское “Учреждение министерств” и не коснулся нормативной регламентации тюремного режима, который, как и прежде, определялся “Уставом о содержании под стражей” (1890 г.), а для каторжных тюрем – “Уставом о ссыльных” (1909 г.).

Кроме охранных подразделений и учреждений министерского подчинения, существовали формирования, которые постоянно или временно находились в режиме особого подчинения. Важное место в охранительной системе должны были занять гвардейские части, на которые не могли бы повлиять революционные настроения. 24 июля 1918 г. был утвержден закон “Об обязательности воинской повинности и призыве 5000 человек для комплектования Сердюцкой дивизии”¹¹. Войсковым соединением, которое должно было непосредственно вести борьбу с большевиками, гетман считал вооруженную группировку генерала З. Натиева. Приказом военного министра УНР № 1 от 12 марта 1918 г. она была определена как Запорожская дивизия Отдельной армии. А месяц спустя уже в качестве отдельной конной бригады – направлена в Екатеринославскую и Таврическую губернию для войны с большевиками. После апрельского переворота благодаря настойчивости гетмана бригада Натиева стала единственным украинским соединением, которое не расформировали немцы. Главным мотивом ее сохранения стала антибольшевистская направленность. Об этом в письме от 8 мая украинский Генеральный штаб заверил генерала Гренера. В оперативном отношении соединение подчинялось немецкому командованию, но украинское правительство по согласованию с ним могло эти части направить туда, “куда по политическим мотивам будет необходимо их направить”. Официальный статус бригада З. Натиева получила 25 мая 1918 г., став своеобразным украинским спецназом¹².

Гетман имел личную охрану. Согласно положению “О главной квартире гетмана”, утвержденному Советом Министров 1 мая 1918 г., в состав штаба гетмана входило управление коменданта и особый отдел. К обязанностям коменданта принадлежала “организация охраны Пана Гетмана как в месте постоянного нахождения, так и в дороге; заведование во всех отношениях Конвоем, особой охранной Командой, гаражом и конюшней”¹³. При создании особого отдела своего штаба П. Скоропадский также использовал российскую традицию. 10 апреля 1915 г. при Управлении дворцового коменданта, по согласованию с министром императорского двора, был образован Особый отдел, который ведал сношениями по делам тайно-политического характера. Тожественный орган был образован в Украинской Державе.

Некоторые охранные функции возлагались правительством на добровольческие вооруженные формирования, организацию и деятельность которых определяли отдельные нормативные акты. 2 июля 1918 г. гетман приказал военному министру “до выработки общего устава казачества ликвидировать все private вольно-казачьи организации, отобрать у них печати и объявить недействительными все их свидетельства”. Но Генеральная Казачья Рада, образованная на Всеукраинском съезде в Чигирине 3-7 октября 1917 г., продолжала действовать. 10 августа 1918 г. был утвержден закон о восстановлении украинского казачества, который определил условия приема в казачьи организации. А отредактированный устав Генеральной Казачьей Рады очертил ее главное задание – “восстановление на основе традиций украинской государственности исторического казачества во главе с гетманом”, который должен

стать “твердой опорой для проведения в жизнь и сознание украинского народа всех реформ, вызванных обстоятельствами момента и имеющих целью добро всего народа вообще и казачества в частности”¹⁴. 26 августа 1918 г. П. Скоропадский утвердил положение о Черноморском казачьем коше. Это специальное войсковое формирование создавалось в Бердичеве для борьбы с врагами Украинской Державы. В дальнейшем планировалось направить его на помощь кубанским казакам. Кош комплектовался старшинами и казаками-добровольцами, но за “круговой порукой и по распоряжению старших строевых начальников”. Личный состав был на полном государственном обеспечении, а за преступления казаки были подсудны военным судам. Командир коша имел воинское звание генерального хорунжего¹⁵.

В гетманское время в Украине возникли добровольческие формирования неказачьего происхождения. В сельской местности после возобновления частной собственности на землю стали появляться “хлеборобские” отряды. Их деятельность вначале не имела нормативно-правовых основ. Так называемые “карательные отряды”, которые руководствовались чувством мести, “способны лишь без цели раздражать население”, – доложил 10 августа 1918 г. гетману министр внутренних дел И. Кистяковский. Правительство попыталось остановить произвол этих отрядов и направить их деятельность, под контролем уездных старост, в русло охраны общественного порядка. Директор департамента Государственной стражи П. Аккерман поручил местным подчиненным выяснить и доложить, “какие в губерниях существуют вооруженные команды и отряды, желательно ли их дальнейшее существование”. После докладов появился циркуляр И. Кистяковского местным властям, который официально позволил формировать под их ответственность “хлеборобские” отряды самообороны¹⁶. А в ноябре к вступлению в такие отряды всех желающих “в противовес бандитам и большевикам” призвал гетман.

В октябре 1918 г. в помощь Государственной страже начали формироваться добровольческие дружины, которые по своей организации несколько отличались от “хлеборобских” отрядов. Тогда гетман утвердил устав “Об организации по всем городам и населенным местностям Украины добровольческих дружин”. Их возглавили назначаемые лично гетманом командиры с правами начальника дивизии, которым подчинялись начальники отрядов из числа кадровых офицеров. Командиры дружин и отрядов, их помощники и инструкторы считались на строевой службе, остальные добровольцы призывались в случае необходимости и только состояли в дружине на учете¹⁷. С этого времени в связи с разложением австро-венгерских союзников, вызванным революционными событиями на их родине, главная роль в гетманской охранительной системе стала переходить к российскому офицерству. А после капитуляции Германии, когда войска и этой страны под влиянием возникших в них Советов солдатских депутатов стали превращаться в дестабилизирующий фактор государственной безопасности Украинской Державы, гетман 14 ноября 1918 г. объявил об изменении протемецкого курса страны на федерацию с меньшевистской Россией. При этом он не ставил целью восстановление империи, подчеркивая, что “народ украинский, призываемый нами к участию в спасении и воссоединении России, должен принести братскому народу русскому не воскресение темных сил прошлого, а святые начала возрождения права, свободы и народного благосостояния”¹⁸. Однако история не отпустила П. Скоропадскому никаких шансов на сохранение своей власти.

На наш взгляд, ответ о причинах краха Украинской Державы 1918 г. целесообразно искать не в предательстве П. Скоропадским ее национальных интересов, не в стратегических или тактических просчетах внутренней и внешней политики гетманских правительственных кабинетов и, тем более, не в слабости охранительной системы государства. Архивные документы не подтверждают таких выводов, а наоборот, свидетельствуют о том, что П. Скоропадскому, по сравнению со всеми предшествующими украинскими властями, удалось разработать наиболее взвешенную и законодательно обеспеченную охранительную концепцию. Гетманскую неудачу следует связывать прежде всего с общим поражением в мире в это время консервативной модели власти, в частности связанной с монархической формой правления.

Революционный ветер, который дул из российского центра, почти в пропорциональной зависимости от географического расстояния или полностью разрушал, или вызывал существенные изменения в веками выстроенных государственно-правовых основах человеческих цивилизаций. Даже закостенелая в своем традиционализме Англия тогда впервые после “славной революции” XVII в. пошла на эксперимент с коалиционным правительством. В начале XX в. мировая политико-правовая мысль не имела достаточно исторических примеров, которые бы свидетельствовали, что сама по себе республика не есть панацея от всех социальных болезней. Человечество должно было пережить послевоенную вспышку “охлократии”, которая не везде была успокоена установлением демократических политических режимов. Кое-где это было сделано за счет крайнего тоталитаризма: фашизма и коммунизма, которые наглядно показали опасность пренебрежения главной ценностью глобальной цивилизации – жизнью человека.

Павел Скоропадский и его профессиональная правительственная команда создавали охранительную систему Украинской Державы вначале с временной опорой на доставшийся им в наследство от Центральной Рады немецко-австрийский союз, а затем, учитывая реальную международную обстановку, отдали предпочтение федеративному государственному устройству в составе меньшевистской России. Главной задачей и первого, и второго альянсов гетманской Украины была попытка устранить в стране угрожающую человеческой жизни анархо-криминальную ситуацию и большевизм как ее основной источник. Однако выступление генерала П. Скоропадского на политическую арену оказалось преждевременным. Вековая мечта украинского народа о национальном самоопределении через учреждение самостоятельного государства сыграла злую шутку с патриотическими силами страны, толкнула их на национальное восстание.

После свержения Николая II растревоженное революционной волной народное море во всяком повороте к старым способам правления усматривало угрозу своим надеждам на демагогически обещанную революционерами скорую лучшую жизнь. Возвращение старых землевладельцев, да еще и с помощью немцев, образ которых как врагов прочно

укоренился в общественном сознании с начала Первой мировой войны, было опасным и непонятым для большей беднейшей части населения Украины. Не понятой низами оказалась и российская переориентация гетмана, которая ассоциировалась с попыткой реставрации романовской монархии. Поэтому украинская социалистическая и российская коммунистическая агитация упали на плодородную почву. Украинский социум оказался неспособным достичь согласия и создать единый антибольшевистский фронт. Вместо этого выступление Директории против гетмана фактически обеспечило благоприятные условия для большевистского вторжения и уничтожения реальной украинской государственности.

Литература

1. Мироненко О. Крах маріократії П. Скоропадського // Історико-політичні уроки української державності. Енциклопедичний словник. – К., Донецьк, 1998. – С.173; Он же. – Гетьман Павло Скоропадський // Там же. – С. 57.
2. Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). – М., 1936. – С. 50.
3. Центральный государственный архив общественных объединений и организаций Украины. – Ф. 57, оп. 2, д. 223, л. 162-164.
4. Там же. – Д. 239, л. 1.
5. Там же. – Ф. 5, оп. 1, д. 87, л. 48.
6. Крах германской оккупации на Украине. – С. 66-68.
7. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. – Ф. 2207, оп. 1, д. 25, л. 20-23, 2-4.
8. Там же. – Ф. 1064, оп. 1, д. 286, л. 102; Д. 181, л. 1-4; Державний вістник. – 1918. – 20, 22 серпня.
9. Історія українського війська. – Львів, 1992. – С. 426.
10. ЦДАВО України. – Ф. 1216, оп. 1, д. 56, л. 69.
11. Там же. – Ф. 1064, оп. 1, д. 215, л. 1-5; Д. 270, л. 1-3 об.
12. Там же. – Ф. 1077, оп. 1, д. 35, л. 41; Оп. 5, д. 12, л. 32.
13. Там же. – Ф. 2469, оп. 1, д. 1, л. 16.
14. Останній гетьман. Ювілейний збірник пам'яті Павла Скоропадського. – К., 1993. – С. 228-229, 236; ЦДАВО України. – Ф. 1064, оп. 1, д. 13, л. 83, 87.
15. Там же. – Ф. 1077, оп. 1, д. 40, л. 46-пакет.
16. ЦДАОО України. – Ф. 5, оп. 1, д. 86, л. 204; ЦДАВО України. – Ф. 1216, оп. 1, д. 22, л. 2; Д. 31, л. 34.
17. Армія. – 1918. – 20 листопада, 10 листопада.
18. ЦДАОО України. – Ф. 57, оп. 2, д. 239, л. 2.